

Владимир Малахов. Интервью «Лица и маски национализма»

Ультранационалисты утверждают, что своя нация - особая и исключительная. Причем кучки таких ультранационалистов существуют в каждой стране. В чьей-то голове живет «великая Америка, хранимая богом», в чьей-то «Германия превыше всего», в чьей-то «особая Россия», в чьей-то «исконная Венгрия». Существует китайский ультранационализм или, например, мозамбикский. Чем вызван этот карнавал «исключительностей» в отдельных головах? По Вашим наблюдениям, что приводит людей в один и тот же темный угол в самых разных обществах и заставляет ненавидеть другие общества?

На мой взгляд, здесь с самого кроется источник недоразумений - как всегда случается, если не прояснены используемые понятия. О чем мы говорим – о «национализме» или «ультранационализме»? Если о первом – то в обсуждение надо включать и Мадзини, Махатму Ганди, и маршала Тито, и Леха Валенсу, т.е явления, не связанные ни с карнавалом исключительностей, ни с ненавистью к Другому. Если о втором – тогда речь идет о ксенофобии и шовинизме. Именно это значение термин «национализм» приобрел в современном обыденном языке.

Уличное насилие, нападения на иностранцев, лозунги ненависти, призывы к чисткам и убийствам — это черты националистических движений в любой стране? В США или Германии, как и в России - те же проявления и масштабы? В некоторых обществах существуют неожиданные формы национализма. Например, в Эстонии конца 1980-х были «поющие» национальные революции, в Венгрии национализм и даже ультранационализм проявляется в том числе в интересе к традиционной музыке и танцам. Как сосуществуют эти и другие разновидности национализма, насколько часто его мирные формы переходят в насильственные?

Я не думаю, что чрезмерно расширительное употребление слова «национализм» будет способствовать продуктивной дискуссии. Интерес к народной музыке и танцам – это одно, а ИДЕОЛОГИЯ, т.е. определенным образом организованная совокупность высказываний – это другое.

Иначе говоря, я выступаю за строгое различие между психологическими и культурными феноменами, объединяемыми под рубрикой «национальная идентичность», с одной стороны, и политико-идеологическим феноменом, называемый национализмом, с другой стороны. (Разумеется, в нем есть психологическая составляющая, но не в этом суть.) Этот феномен тесно связан с проблематикой суверенитета. С прочерчиванием границ. Либо вовне - и тогда мы получаем антиколониализм и то, что в былые времена у нас называли «национально-освободительными движениями; либо вовнутрь - и тогда мы получаем разного рода попытки отделить «нацию» от «населения». Коллектив, именуемый «нацией» - а нация есть не что иное, как проекция на общество чьих-то ожиданий – пытаются отграничить от других коллективов.

Эта процедура как таковая должна пониматься в нормативно нейтральном ключе. Ее не нужно, в принципе, ценностно нагружать. Впрочем, это в теории. На практике от оценок никуда не деться. Они всегда определены местом, из которого мы говорим. Говоря о «месте», я имею в виду и идеологическую, и географическую локализацию говорящего. Так, для либералов из британского журнала «Economist» Уго Чавес и Эво Моралес – радикальные националисты, не ведающие благ открытого общества и глобальной рыночной демократии. А для марксистов – скажем, из New Left Review или из «Левой политики», редактируемой Б.Кагарлицким, – единственно возможная реакция

венесуэльского и боливийского обществ (точнее, производящих классов этих обществ) на хищническую политику транснациональных корпораций.

В российской ситуации мало кто называет себя националистом или ультрас, гораздо чаще — благородным патриотом или даже просто здравомыслящим человеком. Порой это «здравомыслие» приветствует идею изоляции России или «непредвзятый» подход к германскому нацизму. Очевидно, что это и есть ультра национализм, который боится потерять внешнюю респектабельность. Как можно провести границу между спокойным отношением к национальному вопросу и ультра национализмом?

Здесь мы снова упираемся в идеологическую позицию того, кто говорит об идеологии национализма. С точки зрения либерализма (отвлекаясь от его многочисленных разновидностей) проблема национализма, в конечном счете, - проблема нормативная. Отсутствие толерантности, изоляционизм, дурной коллективизм, проистекающий из незавершенности «индивидуализации», болезненная реакция «традиционного общества» на «модернизацию». С точки зрения марксизма (от Адорно до Джеймисона), проблема национализма вписана в структурные проблемы современного капиталистического общества. Специфика русского национализма – в специфике того варианта капитализма, который у нас возник после 1991 года. Эту тему стоило бы обсудить отдельно.

Что касается нежелания применять к себе дискредитированный ярлык, называя себя «националистом или ультрас», то это – черта отнюдь не только российской ситуации.

Теперь о грани между «спокойным отношением к национальному вопросу», т.е. позицией нормативно приемлемой, и, «ультранационализмом» - позицией нормативно неприемлемой. Возьмем для примера упомянутую выше Эстонию. Ее стремление в конце 1980-х выйти из орбиты (тогда советской) Москвы воспринималось значительной частью москвичей и жителей других мегаполисов (тогда либерально настроенных) – с симпатией. Векторы национализма и демократии здесь как будто совпадали. Поэтому отделение демократической периферии от недемократического центра встречало понимание. Но после того как сецессия состоялась, оказалось, что «нация» в Эстонии дефинируется в культурно-этнических терминах, а не в гражданско-политических терминах. Не как «демос», а как «этнос». Это привело к исключению из политики русскоязычных жителей Эстонии. Демократический (инклюзивный, гуманный) национализм превратился в антидемократический (эксклюзивный, ксенофобский – «вон русских оккупантов»). Эта эволюция очень поубавила количество симпатизантов либеральных идей в России и значительно увеличила ресурс российской бюрократии, делающей ставку на этатистки-державнический национализм. Не говоря уже о русских этнонационалистах, дискурс которых абсолютно симметричен эстонскому (этно)национализму. Там гордо шествуют бывшие легионеры батальона СС, здесь – «Русские марши».

Существует ли в России и в других обществах гражданский национализм? Если да, в чем он состоит? Чем отличается гражданский национализм от того, что происходит на «русских маршах», митингах ДПНИ или на подобных американских, немецких, южноафриканских и т.д. сборищах?

Общеизвестный академический ответ на вопрос о возможности «гражданского национализма» - положительный. Предполагается, что в отличие от этнического национализма, выступающего от имени нации как сообщества, конституируемого общим происхождением, этот тип национализма выступает от имени нации как сообщества граждан. Но здесь возникает ряд проблем. Во-первых, как показали исследователи

(Роджерс Брубейкер, в частности), на практике это различие плохо работает. Даже в образцовых случаях, таких, как Франция, на поверку обнаруживается, что национальная общность, определяемая как согражданство, нагружается очевидными этническими (или, если угодно, этнокультурными) характеристиками. В воображаемую общность по имени «нация» включаются не все граждане той или иной страны, а граждане, обладающие данными характеристиками. Набор этих характеристик варьируется в зависимости от мотиваций, стратегии и интересов тех групп, которые присваивают себе право говорить от лица нации, но он всегда есть. Во-вторых, принципиальное значение имеет то обстоятельство, откуда – «снизу», от внесистемных активистов, или «сверху», от бюрократии и системных политиков, - исходит призыв к национально-гражданской солидарности. В первом случае процедуры исключения имеют тенденцию основываться на этнокультурных основаниях: язык, религия, уважение к Национальной Традиции. Во втором – на идеологических: лояльность той версии патриотизма, которую предлагают чиновники. В российской ситуации первый случай имеет место у «евразийцев»-дугинцев, второй – у «нашистов», «молодогвардейцев» и им подобных.

На Ваш взгляд, как экономический кризис может отразиться на националистических настроениях и движениях - в России и по всему миру?

Националистические настроения и движения того типа, который актуален сейчас, возникли более тридцати лет назад – на волне кризиса 1973-1974 годов, затянувшегося на много лет и ослабившего структуры welfare state (государства всеобщего благоденствия) кейнсианской эпохи, а вместе с ними – и основу для межклассового («национального») консенсуса. Я имею в виду, в первую очередь, смещение политического мейнстрима ведущих буржуазных демократий от социал-демократических идей 1960-х к идеологии так называемого неоконсерватизма, заявившей о себе на рубеже 1970-1980-х годов. Знаком этого перехода был приход к власти таких националистов, как г-жа Тэтчер в Британии и Рональд Рейган в США. За ними последовали триумфы Гельмута Коля в Германии, «Народной партии» в Испании и т.д. Это – национализм, который Майкл Биллиг назвал «банальным», или «рутинным». Он имеет этатистский характер и исходит сверху. Противонаправленную траекторию имеет низовой welfare-национализм граждан западных стран, не желающих делиться богатством с реальными и потенциальными претендентами на него из бедных регионов. Это – антииммигрантский национализм *par excellence*, на волне которого в 1990-е годы в Большую политику пришли такие – по прежним меркам «нерукопожатные» - люди как Жан-Мари Ле Пен во Франции, Йорг Хайдер в Австрии, Джан-Франко Фини в Италии, Пим Фортейн в Нидерландах, Кристоф Блохер в Швейцарии, получившие от без малого четверти до почти трети избирателей на национальных выборах. В той мере, в какой Россия играет для своих южных соседей ту же роль, какую Западная Европа – для Северной Африки, Балкан и Турции, российская ситуация будет развиваться по сходному сценарию. Сверху – периодические заявления сановников о приоритете «коренных жителей» и законодательные инициативы вроде запрета на торговлю для неграждан России. Снизу – ДПНИ и их единомышленники.